

18+

Алексей Макаров

РОМАС

Морские рассказы



Алексей Макаров

Роман. Морские рассказы

«Издательские решения»

Макаров А.

Ромас. Морские рассказы / А. Макаров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-935181-4

В книге рассказывается о работе судового механика, трудностях этой профессии и переживаниях, коснувшихся самого автора и его друзей. Не каждый молодой человек может решиться посвятить свою жизнь морю. Если он это сделает, то только по примеру родителей или при желании хлебнуть романтики. Романтиков море сразу обламывает, и они незаметно растворяются в береговой жизни, а те, кто создан для моря, продолжают тащить эту нелегкую лямку до конца. Часть текста опубликована в книге «Морские рассказы».

ISBN 978-5-44-935181-4

© Макаров А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Рейс первый	7
Часть первая	7
Глава первая	8
Глава вторая	15
Глава третья	24
Глава четвёртая	28
Рейс первый	36
Часть вторая	36
Глава первая	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ромас Морские рассказы

Алексей Макаров

© Алексей Макаров, 2026

ISBN 978-5-4493-5181-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Прошло более сорока лет, как мы, молодые мальчишки выпустились из стен нашего Высшего Инженерного Морского Училища.

Каждый год в последнее воскресенье июля, мы встречаемся и, как будто окунаемся в те беззаботные курсантские годы и начальные годы своей трудовой деятельности.

Нас осталось не так уж и много. Большинство уже покинули этот мир. Непросто даются годы, проведенные в море. Оно всегда забирает свою дань.

Но те из нас, кто в очередной раз приходят на встречу, счастливы и радостны, что они увидели своих прежних друзей-товарищей в полном здравии.

Надолго затеваются разговоры, рассказы о временах, проведенных в море.

Теперь, нам старым морским «волкам» не надо стыдиться своих неудач, которые то тут, то там преследовали нас.

Сейчас мы эти неудачи воспринимаем со смехом, юмором и с легкостью рассказываем их за столом единомышленников.

Некоторые истории, особенно понравившиеся мне, я собрал в рассказах, изложенных в этой книге.

Может быть, кое-где я их немного приукрасил или где-нибудь что-то не так описал.

Но пусть меня извинят мои друзья, поведывавшие мне эти рассказы в период откровенности.

Некоторые из этих историй я передал от первого лица и объединил их в единое повествование. Но не надо считать, что эти события происходили именно со мной. Это только морская жизнь, коснувшаяся каждого из нас.

Все события в этих рассказах являются плодом авторского вымысла. Все совпадения имён, дат, названий и сюжета являются случайными. Местоимение «Я» в данном тексте обозначает не Автора, а вымышленного персонажа, созданного моим воображением.

*С уважением ко всем читателям,
Алексей Макаров*

Рейс первый

Часть первая (жизнь судового механика)

Глава первая

На табло в салоне самолёта появилась надпись о пристегивании ремней, запрете курения и прозвучало объявление, что самолёт пошёл на снижение.

Несмотря на увещевания стюардесс, пассажиры оживились. Чувствовалось, что они устали от четырёхдневного ожидания вылета в аэропорту Владивостока и хотят побыстрее отправиться по домам.

Как только самолёт коснулся колёсами взлётной полосы пассажиры повскакивали со своих мест и лихорадочно начали вынимать с полок вещи и одеваться.

Рулежка самолета ещё не прекратилась, а в проходах уже столпились люди, готовые на выход.

Леонида очень удивило такое поведению людей. Чего торопиться? Всё равно уже прилетели. Конечно, он понимал их желание быстрее добраться до дома, но багаж-то всё равно раньше времени не выдадут, пока его не привезут в аэровокзал.

Самолет четверо суток ждал во Владивостоке вылета в Петропавловск-Камчатский из-за циклона, бушевавшего над Камчаткой.

Понятно, что все устали и хотят домой, но, чтобы вот так не сдерживать эмоции, молодой двадцати двухлетний четвёртый механик, едущий на работу в Камчатское морское пароходство, понять не мог. Ведь все же взрослые люди.

Тесть Леонида рассказывал, что у него в Питере есть троюродная сестра Мария Филипповна и живёт она на улице Первомайской. Где эта Первомайская, тесть не знал. Но посоветовал, пожав плечами, как бы извиняясь:

— Выйдешь из самолета, спроси. Там всё и узнаешь.

Друзья тестя, работавшего таксистом, по его просьбе каждый день во время этой вынужденной задержки возили Леонида в аэропорт.

Тесть мог себя не ограничивать в расходах по оплате этих поездок. Сам он на смене зарабатывал левых больше двадцати пяти рублей, а этих смен выходило у него в месяц то ли семь, то ли восемь, плюс зарплата и премии за перевыполнение плана.

Тесть не бедствовал. Был он участником Отечественной войны, прошедший штрафбат. Хотя о войне и о том, что он там испытал, восемнадцатилетним пацаном, тесть редко рассказывал, но в степени «лёгкого» алкогольного опьянения иногда рассказывал ужасные подробности прошедшей войны, с трудом укладывающиеся в голову из-за их правдивости, реалистичности и жестокости.

Его слово фронтовика, для Леонида было, как кремень, поэтому он особо не переживал, что потеряется или заблудится в незнакомом городе.

Название улицы — знал, номер дома — знал. Значит, доберётся. А если Лёня чего-то захочет, то этого всегда своего добьётся обязательно.

Поэтому Леонид спокойно сидел в кресле, дожидаясь, когда народ освободит проход и он сможет спокойно, без толкотни, выйти из самолёта.

Подали трап, и стюардесса громко предупредила выходящих пассажиров, чтобы все раскрыли паспорта на странице с пропиской и предъявили их встречающим милиционерам.

Леонид с собой имел только направление на работу. Петропавловской прописки в паспорте не стояло. Когда он выходил из самолёта, то милиционер, подозрительно посмотрев на него, спросил:

— Прописки нет?

— У меня только направление на работу есть, — как бы извиняясь, Леонид предъявил паспорт милиционеру.

— Молодой специалист, что ли? Ну, давай, давай. Проходи, — и миролюбиво добавил: — Специалисты здесь всегда нужны.

Выйдя на трап, Леонид непроизвольно зажмурился от ярких лучей солнца.

Яркость их усиливалась лежащими вокруг взлётного поля сугробами снега. Они ослепляли своей белизной. Непроизвольно пришлось даже прикрыть рукой глаза, глядя на эту сверкающую красоту земли и голубизну неба.

Морозный воздух придал силы и энергии.

Сойдя с трапа, Леонид пристроился к веренице пассажиров, шедших к зданию аэровокзала, а обернувшись, остолбенел от красоты, открывшейся передо ним картины.

На фоне голубого неба за взлётным полем красовались два вулкана. Один из них ровной конической формы, а у другого вершина немного скошена и из неё валил «небольшой» дымок.

Леониду как-то стало не по себе. А вдруг — рванёт. Но спокойствие прибывших пассажиров успокаивало и, отвернувшись от красоты вулканов и, поёжившись от морозного воздуха, он поспешил в здание аэровокзала.

Здесь уже ажиотажа, как в самолёте, не стояло и, получив багаж, он вышел на площадь перед зданием аэровокзала.

Куда ехать, чего ехать — он понятия не имел. Тем более, что на улице оказалось очень холодно. Особенно в его болоньевом пальто на «рыбьем» меху.

Пришлось вернуться в здание аэровокзала и найти справочное бюро, где он смог бы узнать, как добраться до улицы Первомайской.

Дождавшись своей очереди к окошку информации, он пригнулся, заглянул в лицо царственной тётеньке и заискивающим голосом обратился к ней:

— Скажите, пожалуйста, а как бы мне добраться до улицы Первомайской в городе?

Тётенька окинула его безразличным взглядом и тут же, скороговоркой выпалила в его наивные очи:

— Садитесь на номер автобуса, — она посмотрела в какой-то свой список, — вот такой-то и езжайте до Сероглазки. Там пересядете на другой автобус и потом доберётесь до КП. На КП Вы пересядете на другой автобус, и на нём Вы уже доберётесь до своей улицы Первомайской.

Все это она произнесла такой скороговоркой, что Леонид ничего не запомнил. У него в голове от объяснений тётеньки из справочного бюро возникла полнейшая каша, а переспросить её он постеснялся.

Что такое Сероглазки? Что такое КП? Где автобусные остановки? Где надо выходить? Всё это перемешалось в голове, и он в нерешительности отошёл от справочного бюро.

В полной прострации выйдя на площадь вокзала, он в недоумении огляделся.

Где он? Что делать? Куда идти? Площадь оказалась пустой. Все прилетевшие пассажиры давно разъехались.

Минут через десять-пятнадцать подошёл автобус, направляющийся в город.

Со своим чемоданищем Леонид взгромоздился в него и поставил чемодан в проходе, хотя некоторые пассажиры пихали и толкали его ногами, таким образом выказывая недовольство, что он тут стоит и мешает им пройти.

Не обращая внимания на их недовольные действия, Леонид устроился на заднем сидении. Внутри автобуса оказалось тепло и, несмотря на чувствительный морозец на площади аэровокзала, Леонид сразу же согрелся.

Вскоре автобус тронулся, и он смотрел по сторонам на пейзажи зимней Камчатки.

Всё казалось интересным и необычным. Снег вдоль дороги стоял огромными сугробами, высотой метра по два-три.

Наверное, недавно прошли грейдеры, убравшие его с дорог.

Потом, когда он пожил некоторое время в Петропавловске, то видел эти грейдеры.

Хотя в понимании материкового жителя, это были вовсе не грейдеры, а турбоагрегаты, чистившие дороги даже во время самых сильных снегопадов. Они шнеком забирали снег в накопитель и струёй выкидывали его на обочину.

Поэтому вдоль обочины дороги стояли такие громадные трёхметровые сугробы. Зато дороги — всегда чистые.

Автобус не спеша доехал до Елизова, постоял несколько минут на автовокзале и двинулся дальше.

От Елизова он ехал по извилистой дороге вплоть до самого города.

Начало города определилось по пятиэтажным домам, выглядывающих из-за сугробов.

На одном из них Леонид прочитал, что это улица Тушканова.

Так, значит, ему скоро надо выходить.

Подойдя к водителю автобуса, он спросил у него:

— Скажите, пожалуйста, а как мне добраться Сероглазки?

Водитель, не отрываясь от дороги, буднично ответил:

— Вот сейчас я поеду по Тушканова до Сероглазки, там ты выйдешь и найдёшь то, что тебе надо.

Леонид так и сделал. Когда с Тушканова автобус завернул на Сероглазку и проехал некоторое время, водитель махнул ему рукой — вот здесь тебе выходить.

Выйдя из автобуса, Леонид огляделся. На остановке и вокруг неё снега не было, зато вокруг распростёрлась девственная белизна. Ни дома, ни деревца.

Куда идти? Чего идти? Леонид понятия не имел. Но, увидев, что где-то там, в стороне, куда махнул ему рукой водитель, находились какие-то дома, пошёл туда.

Сначала снег достигал щиколоток, потом Леонид брёл в нём чуть ли не по колено, волоча за собой свой громадный чемодан. Ох, и тяжеленный же он оказался. И не мудрено! Одну треть его Леонид забил технической литературой по специальности.

Постепенно он начал вязнуть в снегу. Несколько раз провалился чуть ли не по пояс. Чемодан спасал его от того, чтобы он не проваливался ещё глубже, оставаясь плотом на снежной целине и Леонид на него опирался, чтобы выкарабкиваться.

Дальше идти оказалось невозможно, потому что вниз шёл отвесный косогор, а перед Леонидом раскинулась широкая гладь Авачинской губы, с плавающим кое-где льдом.

Внизу находился какой-то полуостров с небольшими домиками.

— Не-ет... я туда не пойду, — невольно подумалось Леониду, потому что какая-то мысль подсказывала ему, что он выбрал неправильное направление и заблудился.

Выбравшись из снега, он вновь вышел на ровную дорогу и вернулся на остановку автобуса. Перешёл на другую сторону дороги, дождался очередного автобуса и забрался в него.

По-другому это никак нельзя назвать.

Леонид выглядел, как снеговик. Только что шапка не в снегу. Ноги промокли, брюки мокрые, шерстяные перчатки представляли собой жалкое зрелище мокрой половой тряпки.

Автобус оказался почти пустой. Все пассажиры с удивлением разглядывали невесть откуда взявшееся снежное чучело.

Поставив чемодан в проходе, Леонид подошёл к водителю:

— Скажите, пожалуйста, а как мне добраться до КП, — как можно вежливее поинтересовался он.

Водитель с сочувствием посмотрел на «снежного человека»:

— И где же это тебя угораздило так извальяться? — покачал он головой, не отрывая взгляд от заснеженной дороги.

— По-моему я заблудился, — попытался объяснить водителю Леонид, выстукивая дробь дрожащими зубами. — На КП мне надо.

— А... На КП! — понял меня водитель. — Я как раз туда и еду. Давай, садись, погрейся, оттай. Доедем мы до твоей КП, — и кивнул на сиденье у себя за спиной.

Что такое КП, Леонид понятия не имел. Но, пересилив свою застенчивость, спросил у соседа, сидевшего рядом:

— Что же это за КП такое?

Сосед понимающе посмотрел на него:

— Первый раз в Питере что ли?

— Ага, — кивнул утвердительно Леонид. — Я только что с самолёта.

— Понятно, — протянул сосед. — Площадь это так называется. Да ты её сразу увидишь. Там танк на постаменте стоит, на этой КП.

Леонид всё равно не понял значение аббревиатуры КП.

— Понятно... Танк. Нет, ну а что это вообще такое — КП?

Сосед ещё раз усмехнулся:

— КП — это Комсомольская площадь. Но все её называют КП и как-то к этому уже привыкли.

— Теперь всё понятно, — до Леонида дошло объяснение соседа. — Комсомольская, так Комсомольская.

Автобус не спеша ехал по улицам города. На одном из домов Леонид прочитал: Владивостокская улица. Вскоре и водитель прокричал:

— Кто там собрался выходить на КП? Следующая остановка КП. Выходим на КП!

Леонид вышел на КП со своим чемоданищем. Куда ехать? Он опять остановился в недоумении.

Пытаясь прояснить куда ему ехать дальше, он обратился к женщине, стоявшей на остановке.

— Вы бы не подсказали мне, как добраться до улицы Первомайской, — вежливо поинтересовался он. — Мне сказали, что сначала нужно до КП доехать, а там уже пересесть на другой автобус. Но я не знаю, на какой...

Женщина непонимающе посмотрела на него:

— Первомайская?.. Да не знаю я такой улицы, — раздражённо ответила она и отвернулась.

Но, видимо что-то вспомнив, махнула рукой на противоположную сторону улицы:

— Где-то, наверное, в той стороне.

Рядом стоящий мужчина, услышав название Первомайская улица, вмешался в разговор:

— А, это, наверное, вон туда, в сторону Восточного шоссе. Ты перейди на другую сторону улицы, и сядь на автобус, — он назвал номер, — и поедешь дальше. Там водитель тебе подскажет, где твоя Первомайская улица.

Теперь, когда Леониду стало известно и направление, и номер автобуса, дело пошло на лад. Он забыл о промокших ногах и брюках, а настроение улучшилось.

Вскоре подошёл и долгожданный автобуса, и Леонид влез в него без особого труда.

Во всех автобусах, на которых ему пришлось ехать, было тепло. Так что он особо не замёрз, даже несмотря на то, что промок.

В середине ноября смеркалось рано, а дни в Питере намного короче, чем во Владивостоке.

На часах около пяти часов вечера, а на улицах уже зажглись фонари. Несмотря на наступившие сумерки, Леонид до сих пор точно не прояснил для себя — куда же ему надо ехать.

Автобус ехал по очищенным улицам и, проехав все жилые дома, выехал в какое-то заснеженное широкое поле. Проехав его и повернув направо, он оказался у высоких стен какой-то крепости с колючей проволокой.

«Так это же, наверное, тюрьма», — почему-то подумалось Леониду.

Скорее всего, он не ошибался, потому что по углам этой монументальной стены высились башенки, а сама стена освещалась яркими прожекторами.

После тюрьмы автобус пропетлял между домов и вновь выехал в поле.

Тут Леонид не на шутку обеспокоился. Не хватало ему ещё одного путешествия по снегам Сероглазки. Там то, хоть было светло, а тут темень — только редкие фонари на столбах освещали наезженную дорогу.

Не выдержал обуревавших его сомнений, он подошёл к водителю автобуса:

— Вы мне не подскажите, когда мне надо будет выходить на Первомайской улице?

Водитель, занятый преодолением неровностей на дороге, доброжелательно ответил:

— Да, да, да, да. Вот сейчас немного проедем и будет тебе твоя Первомайская улица.

Леонид даже обрадовался, что его путешествие подходит к концу.

— Хорошо, спасибо, — от души поблагодарил он водителя.

Вскоре автобус подкатил к плохо освещённой остановке, с едва выглядывающим среди огромных сугробов покошенным навесом.

— Вот твоя остановка, — водитель указал на него и переспросил: — А какой дом тебе там нужен?

— Да мне дом два нужен, — Леонид пытался хоть что-то разглядеть в темноте.

Водитель усмехнулся:

— А тут их всего два. Вон тот, который большой, по-моему, и есть второй дом.

Он показал назад от остановки на крышу дома, едва видневшуюся из-за сугробов, наваленных вдоль дороги.

Поблагодарив водителя, Леонид вышел из автобуса и, волоча чемоданище, пошёл к указанному дому по узкой тропинке, проложенной кем-то вдоль сугробов.

Точно, это оказался дом номер два — двухэтажный, жёлтый, с мощными стенами. Он утопал со всех сторон в снегу, только к двум подъездам кто-то проложил узенькие тропинки.

По одной из них он вошёл в подъезд, с трудом приоткрыв тяжёлую дверь и, найдя номер нужной квартиры, оказавшейся на первом этаже, надавил на кнопку звонка.

Звонок, конечно же, не работал и пришлось стучать.

Как только он постучал, то через несколько секунд дверь открылась и на пороге появилась полная женщина пожилого возраста, лет далеко за пятьдесят, как и описывал её тесть Леонида.

Увидев женщину, Леонид представился:

— Я Лёня. А вы Мария Филипповна?

Женщина, всплеснув руками, чуть ли не заголосила:

— Да, да, я Филипповна. Ждём мы тебя, ждём, а тебя всё нет и нет. Куда ты мог подеваться? Уже сердце всё изболелось. Тут уже три часа всё на столе стоит. Остыло, поди уже всё. Давай, быстро проходи, раздевайся и будем садиться за стол. Все тебя уже заждались. Где же тебя носило? Самолет-то вон, когда ещё прилетел... — суежилась она вокруг Леонида, помогая перетащить чемодан и раздеться.

Увидев занесённые снегом ноги Леонида, Филипповна достала веник:

— На тебе веник и снег с себя стряхни, — указав на коридор.

Выйдя на улицу, Леонид смёл с себя снег и вернулся в квартиру.

Филипповна оказалась миловидной женщиной, одетой в торжественное платье и кутающейся в душегрейку из чёрно-бурой лисы.

На лице у неё отобразилось столько добродушия, а в голосе теплоты, что Леонид сразу же забыл о перенесённых тяготах сегодняшнего дня.

Филипповна, увидев его промокшие ноги, сразу же засуетилась и куда-то скрылась. Через минуту она вышла в коридор с ворохом одежды.

— Вот тебе брюки, носки, свитер и тапки. Иди в эту комнату, — она указала на дверь рядом, — там ты будешь жить, — добавив при этом, — и переодевайся там. Мокрые вещи развесь по батареям.

Леонид прошёл в указанную комнату, занёс туда чемодан и начал переодеваться. Его одежда, и в самом деле, оказалась вся мокрая, так что одежда, выданная Филипповной, как раз и пригодилась.

Переодевшись, он вышел в коридор.

Квартира состояла из трёх комнат, коммунальная. Справа в коридоре находились две комнаты. Из первой из них выглянула женская голова и женщина приветливо поздоровалась:

— Здравствуйте, — молодая, полная женщина вышла из комнаты и протянула для приветствия руку Леониду. — Я Лена.

За ней вышел невысокий, начинающий полнеть мужичок примерно её роста лет тридцати.

— А я Пётр, — он крепко пожал ладонь Леониду.

— А Филипповна где? — Леонид стоял посередине коридора, не зная, что ему делать дальше.

— Так у себя же, — удивилась Лена. — Тебя же ждет, — указав на вторую комнату справа.

А затем, кивнув на комнату, из которой вышел Леонид, пояснила:

— А там у нас никто сейчас не живёт, потому что майор, который там жил, куда-то уехал в командировку и сейчас она закрыта. Вот Филипповна тебе там и постелила. Ты теперь там будешь жить.

Пока Леонида всё устраивало, и он согласился с Леной:

— Хорошо.

Слева в коридоре Леонид увидел кухню и ещё одну дверь. Он ещё подумал, что там туалет, но как потом оказалось, он ошибался, потому что там располагался небольшой чуланчик с ведром, куда опорожнялись ночью.

Туалет для всех остальных нужд находился на улице. Так что по особой нужде приходилось бежать только туда. А это хлипкое строение спряталось глубоко между сугробами и продувалось со всех сторон так, что вонь от испражнений не тревожила посетителя и не мешала ему думать о смысле жизни советской действительности.

Последней комнатой справа по коридору оказалась комната Филипповны — большая, с высокими потолками.

На двух стенах висели ковры, на третьей красовался какой-то гобелен. На полу лежал большущий толстый ковёр, а посередине комнаты стоял накрытый стол.

В левом углу комнаты располагалась огромная широкая кровать, спинки которой украшали блестящие, никелированные набалдашники, а у противоположной стены стоял большой старинный диван, покрытый гобеленом.

Точно такой же диван стоял и в дома Леонида, когда он был ещё мальчишкой, и мама на нём читала ему с братьями сказки.

Столько лет прошло, а диван как был, так и остался! Леониду даже показалось, что это тот же самый диван, перекочевавший из его детства сюда в комнату Филипповны.

Посреди комнаты красовался стол, на котором чего только не стояло в различных судочках, тарелках, чашечках и блюдах.

Рыба запечённая, вареная, пареная, картошка жареная, вареная, икра красная, красная рыба солёная и копчёная, какие-то салаты... И всё это аккуратно накрыто красивыми полотенцами, чтобы не заветрелось. Наверное, полотенца были ручной работы, которые на Украине назывались рушниками.

Видно, что хозяева, всё-таки не выдержав, что гостя долго нет, сели за стол и по паре стопочек всё-таки пропустили.

Едва он зашёл в комнату, как Филипповна усадила его за стол, поставив перед ним огромную тарелку с картошкой и мясом.

От обилия блюд у Леонида даже зарябило в глазах, когда он увидел вокруг себя нарезанный сервелат, различные сыры, красную рыбу с икрой, консервированные овощи, солёные помидоры, огурцы. Всё это богатство украшало стол, а что не поместилось, стояло на подоконнике.

Филипповна широким жестом показала Лене и Петру, чтобы они тоже садились за стол. На одном краю Филипповна, на другом Лена с Петей, а спиной к окну сел Леонид.

Филипповна кивнула головой Петру:

— Петя. Ну, что, давай достань вон ту, холодненькую, которая там, за окошком стоит.

От такого предложения Пётр не посмел отказаться и, приоткрыв окно, достал бутылку, стоящую между рамами. Она и в самом деле оказалась холодненькой.

Пётр тут же разлил её содержимое по внушительным стопкам и, без всяких сантиментов, все выпили за успешное прибытие Леонида.

Филипповна постоянно беспокоилась о нём, накладывая в его тарелку, то картошки, то маринованной рыбы, то сервелат, то красную икру со словами:

— Кушай, кушай, кушай, ты же устал, тебе надо отдохнуть. И не дай Бог, заболеть. Ты же весь промок в наших снегах.

А потом пошёл разговор и о жизни.

Выпили и вторую бутылочку, которую Петя достал из-за окна. За этими разговорами съели большую часть того, что находилось на столе. Потом с подоконника достали оставшуюся закуску и принялись за третью бутылочку.

Когда и этого не хватило, то Петруха из своей комнаты принёс ещё одну такую же холодненькую бутылочку.

Закончилось всё тем, что Леонид едва пробрался в свою комнату, где ему постелили кровать. События оставшегося вечера остались у него в памяти только кадрами, как в немом кино.

Глава вторая

Утром Леонид проснулся от того, что Филипповна теребила его за плечо:

— Тебе на работу сегодня идти надо? Что-то ты вчера, как я помню, мне об этом говорил, — тихонько говорила она.

— Наверное, надо, я же сюда на работу приехал, — еле ворочая языком, пробормотал Леонид, пытаясь перевернуться на другой бок.

Но Филипповна не отставала:

— Давай. Тогда вставай, иди и умывайся, — уже громче потребовала она.

Умываться пришлось в кладовке.

Для Леонида, городского жителя, привыкшего к коммунальным удобствам, тут оказалось всё неожиданным.

На переборке висел алюминиевый умывальник с соском. В него требовалось из ведра налить воды и поднять сосок, чтобы из того потекла вода. А чтобы она не забрызгала башмаки, то ноги приходилось расставлять очень широко. А Леониду с бодуна, это оказалось проблематично.

Только он начал умываться, как в кладовку зашла Филипповна и дала ему полотенце. Хорошо, что зубную щётку и мыло Леонид прихватил из дома с собой.

Леонид умылся, надел свитер, куртку и сбегал на улицу в туалет.

На улице холод особо не ощущался. Примерно минус четыре, пять градусов. Вокруг блестел снежок, отблескивая жёлтыми искрами от фонарей, установленными вокруг дома на высоких столбах. Хоть дом и стоял на отшибе, но освещение вокруг него в своё время сделали сносное. В темноте дорогой в туалет не ошибёшься, особенно если приспичит.

Бодренький, после такой пробежки на улицу Леонид вернулся в дом. Даже жить стало веселей, несмотря на вчерашние возлияния.

Во время отсутствия Леонида Филипповна приготовила завтрак и ждала его за столом.

На завтрак она выставила вчерашнюю картошку с мясом, где мяса больше, чем картошки. На отдельной тарелочке лежали внушительного размера ломти разогретого белого хлеба. Как потом оказалось, что этот хлеб из консервных банок. Им Филипповну снабжали её клиентки.

Несколько кусков такого хлеба она положила перед Леонидом и поставила огромную кружку крепкого чая.

Чай оказался почти чёрного цвета и сладкий до приторности. От него все прилипало во рту.

Филипповна села напротив Леонида и приговаривала:

— Ешь, ешь. У тебя сегодня будет очень трудный день.

Потом она потрепала его своей мягкой рукой по голове, поднялась и поцеловала в маковку.

— Не думала я, что у Бори есть такой замечательный зять, — слегка прижалась к Леониду и отошла в сторону.

Леонид, краем глаза заметил, как она смахнула слезинку из глаз.

Конечно, пришлось всё, что Филипповна положила на столе, съесть.

Когда она увидела, что он почти всё одолел, то вновь потрепала его по затылку:

— Ну, всё. Иди, одевайся. Я тебе покажу дорогу к автобусу, — вздохнув при этом и показывая, что и ей надо идти одеваться. — Мне же тоже надо на работу ехать. Я в центре работаю в скорняжной мастерской, — пояснила она. — А потом я тебе покажу, как тебе надо дальше ехать до твоего пароходства.

Они вместе вышли из дома и прошли к автобусной остановке. Вскоре подошёл полупустой автобус. Они удобно устроились в нём и поехали до КП.

На КП автобус на некоторое время остановился. Леонид с интересом посмотрел на памятник с танком. Как его сюда занесло? Зачем его поставили памятником? Многие из увиденного его удивляло, но спросить об этом Филипповну, он постеснялся.

Справа, на косогоре, высилось квадратное серое здание. На нём Леонид прочёл — ресторан «Вулкан».

«Ничего себе, какое название. Как раз подходит под стать городу», — промелькнула у него мысль.

Потом автобус поехал дальше в город.

На какое-то время город пропал. Но справа, вскоре, показались дома, а слева Леонид увидел замёрзшее озеро.

Автобус пошёл по косе, отделяющее озеро от бухты и выехал к центральной площади, где Филипповна работала. Перед выходом она посоветовала Леониду:

— А тебе надо будет проехать ещё четыре остановки. Там будет Дом офицеров. У Дома офицеров сойдёшь, а после этого поверни направо. Вот там и находится твоё пароходство.

Она вышла, а Леонид поехал дальше.

Выйдя около Дома офицеров, справа он увидел два здания и, спустившись к ним, принялся изучать таблички на фронтонах.

В то здание, где написано, что здесь располагается отдел кадров, он вошёл и поднялся на второй этаж.

Дверей оказалось много. И он, сомневаясь, в какую из них зайти, спросил у пробегающего мимо парня:

— Слышь, а ты не подскажешь куда тут обращаться? К кому идти? Я только что приехал. Парень, не глядя на Леонида, махнул рукой:

— Иди туда, к инспектору кадров, — показав на последнюю дверь, — там есть один, который занимается новенькими. Он тебе всё и расскажет.

Вспомнилось, что в Дальневосточном пароходстве работала Мария Александровна, занимавшаяся всеми новенькими. Она их оформляла и всё подробно рассказывала. Доброжелательная женщина, очень красивая. С ней Леонид всегда приятно общаться.

А так как ему пришлось несколько раз ходить на практику, то она ему всегда всё так объясняла, что у него никогда не возникало никаких трудностей, если он следовал её инструкциям.

Войдя в указанную комнату, Леонид увидел перед собой небольшого лысоватого парня чуть постарше себя. Тот сидел за отдельным столом, по-деловому рассматривая какие-то бумаги и не обращая на окружающих никакого внимания.

Подойдя к нему, Леонид поздоровался и положил перед ним на стол дипломы и направление на работу:

— Вот, — как можно скромнее добавил он. — Прибыл к вам на работу.

Инспектор взял документы и принялся их досконально изучать. Потом в недоумении поднял глаза на Леонида:

— А почему ты опоздал на работу на целых два месяца? — возмущение так и сквозило в каждом его слове.

Леонид к такому событию заранее подготовился:

— Потому что женился, — важно ответил он.

— Бумага есть, что женился? — недоверчиво посмотрел на него инспектор.

— Есть, — Леонид указал инспектору на паспорт. — Вон, в паспорте штамп стоит, а свидетельство о браке я не взял с собой.

— Так... — задумчиво протянул инспектор.

Открыв паспорт, он полистал его и нашёл нужную страничку со штампом. Изучил её и вновь поднял глаза на Леонида:

— Так... — важно продолжал он изрекать. — Понятно. Хорошо, что у тебя всё записано и прописано. Прощаю тебя по этому случаю. А то бы полетел обратно во Владик за свой счёт. Пусть бы там с тобой в училище и разбирались. Но, тут причина уважительная, — он вновь, понимаяще посмотрел на Леонида, — и поэтому тебе надо ускориться с твоим устройством на работу, — он помолчал, собираясь с мыслями и решительно начал: — Тогда действовать будешь так.

Дальше шёл перечень того, что Леонид должен сделать в ближайшее время.

— А сейчас я тебе дам направление в военкомат, куда ты съездишь и поставишь там печать, что ты у них был и встал на учёт. Потом вернёшься назад и покажешь мне. Я тебе дам другое направление и с ним ты пойдёшь в соседнее здание к механикам-наставникам. Тебя там проинструктируют, а потом после этого придёшь снова ко мне. Понял?

— Понял, — хотя в голове Леонида с трудом укладывалось, а что же он понял, такой там стоял кавардак, особенно после вчерашних возлияний.

Нет бы отсидеться у Филипповны денёк, а потом бы заниматься этой бодягой.

«Понесла же меня нелёгкая», — в сердцах подумалось ему.

Инспектор, но обращая внимание на тупой вид Леонида выписал и молча вручил ему направление.

— Теперь можно идти? — вновь поинтересовался Леонид.

— Да иди, иди, — инспектор махнул ему в направлении двери. — Только ни с чем не затягивай. Одна нога здесь — другая там, — добавил он для ускорения процесса.

Такого «радушного» приёма Леонид, конечно, не ожидал, но, следуя инструкциям инспектора, вышел к Дому Офицеров и сел в автобус.

Оказалось, что в Петропавловске всего лишь одна длинная улица, по которой возвращался автобус на километры, где располагались основные жилые массивы. Блудить (не в смысле отношения к женщинам), было негде.

Поэтому тем же самым путём автобус вернулся по дороге вдоль озера к пожарной части, рядом с которой и должен находиться военкомат.

Где этот военкомат находился — Леонид не знал. Но инспектор посоветовал обратиться к прохожим, если он заплутает.

Но тут Леонид неожиданно нос к носу столкнулся со Стасом. Для него это оказалось полной неожиданностью. Как Стас оказался здесь? Леонид даже представить себе не мог.

Стаса он знал. Их рота электромехаников выпустилась месяцем раньше. Жили будущие электромеханики на пятом этаже этого же общежития, где на четвёртом этаже располагалась девятая рота Леонида.

Поэтому Леонид часто встречались с ним, когда ходил на завтраки, обеды, ужины и построения. Да мало ли сколько раз можно встретиться с человеком, если по лестнице в общежитии будешь бегать вверх и вниз. Но при встречах они обменивались только поднятием руки или ничего не значащими приветствиями.

От неожиданной встречи Леонид настолько удивился, что кроме слова «Привет», ничего и не смог вымолвить. Судя по Стасу, тот тоже растерялся.

Рядом со Стасом стояла медсестра из медсанчасти училища. Это ещё больше удивило Леонида.

Он только знал, что её звали Люда. Она всегда тихо и скромно сидела за стойкой регистратуры. Многие курсантики пытались с ней познакомиться, но всегда получался один и тот же результат...

Её огромные глаза всегда смотрели на карточки больных, а если она их поднимала на очередного «больного» обожателя, то обжигала его таким огнём, что после него с ней больше никогда не хотелось иметь никаких дел.

Стас был выше Людмилы на голову, высокий, статный, красивый парень. Они вдвоём очень хорошо смотрелись.

— А вы как тут оказались? — Леонид в недоумении не смог найти более приемлемых слов.

— Да вот так и оказались! — рассмеялся Стас. — Взяли, поженились и приехали сюда.

— Как? Вот так взяли и поженились? — Леонид всё ещё не мог прийти в себя после шока от неожиданной встречи.

— Конечно! — рассмеялся Стас. — Я, как только получил диплом, — а они получали дипломы раньше девятой роты на месяц, — сразу пошёл в медсанчасть. Показываю его Людмиле и говорю ей: «Я, дипломированный электромеханик, еду по распределению на Камчатку, предлагаю Вам стать моей женой и ехать со мной. Вы согласны?»

Людмила стояла рядом и смеялась:

— Вообще-то от такого предложения и напора, я была в шоке. Но потом как-то непроизвольно сказала: «Согласна». Мы тут же поехали, подали заявление, а через месяц сыграли свадьбу.

Такую историю Леонид не ожидал услышать. Он удивился решительности Стаса и уступчивости Людмилы.

— А сейчас вы где? Что делаете? — от удивления Леонид так и не смог найти более приемлемого вопроса.

— Да мы тоже только недавно приехали сюда. Нам дали в бараке комнатку как молодой семейной паре и вот сейчас мы там и живём. — Всё это Стас говорил, обнимая и разглядывая Леонида.

Хоть их знакомство в училище и было шапочным, но сейчас они оба радовались такой неожиданной встрече. И где?! Да на самом краю земли!

Стас выпустил из объятий Леонида и принялись расспрашивать его:

— А ты-то чего сюда пришёл?

— Я только вчера приехал, а инспектор послал меня в военкомат. Только я не знаю, где он находится, — начал объяснять Леонид.

— Да он в этом вот доме, — показал Стас на соседний дом. — За угол пройди, поднимись на второй этаж по лестнице, там его и найдёшь. А нам в пароходство надо вернуться по своим делам. Но мы ещё увидимся! Пока! — помахали они Леониду, садясь в подошедший автобус.

Леонид поднялся на второй этаж, где и нашёл военкомат.

Там, естественно, при его появлении восторженной встречи ему не оказали.

Здесь стояла обычная военная обстановка.

Леонид подошёл к стойке, где увидел молоденького лейтенантика с красной повязкой на рукаве. Лейтенантик бурно изображал рабочую деятельность, копаясь в кипе бумаг.

— Лейтенант запаса Макаров прибыл для постановки на учёт, — чётко доложил Леонид.

Несмотря на бодрый доклад, на дежурного он никакого эффекта не произвёл. Лейтенантик оторвав взгляд от одной из папок и, скорчив мину недовольства на симпатичной мордашке, посмотрел на Леонида:

— Пройди в тот кабинет, — показал он рукой, куда следовало пройти Леониду.

Постучавшись и, после секундной паузы войдя в указанный кабинет, Леонид увидел бравого капитана, посмотревшего на него с точно таким же выражением на лице, каким только что наградил Леонида лейтенантик, шлёпнул на его военном билете печать, достал из стола какой-то бланк, заполнил его и, возвращая его, приказал:

— Отдай это дежурному.

Бланк Леонид отдал дежурному, вышел на улицу, сел в автобус и вернулся в пароходство.

В отделе кадров тот же инспектор выписал ему приёмный лист и выпроводил со словами:

— Иди к механикам-наставникам.

Пришлось идти к наставникам.

Наставник, лет под пятьдесят мужичок, невысокий, увидев Леонида, протянул руку за направлением и указал на стул возле своего стола:

— Так, я тут тебе всё подпишу, но вот военно-морская подготовка тебе ничего не подписывает, ты должен у них пройти аттестацию. Иди сначала к англичанам, потом на технику безопасности и в лабораторию. Когда пройдёшь всё, то возвращайся ко мне. Я тут с тобой проведу душещипательную беседу, — и хитро взглянул на Леонида. — Только ты к ней хорошо подготовься, а то у меня будут тут всякие разные вопросы... — многообещающе закончил наставник.

И тут Леонид с ужасом начал осознавать, что приёмный лист он не подпишет и через неделю. Придётся ему кантоваться у Филипповны ещё как минимум, с десяток дней.

Первоначально он пошёл к англичанам, так как у него ещё оставался хоть какой-то запас английских слов.

Кабинет английского языка располагался на этом же этаже, что и отдел кадров.

Постучавшись в дверь кабинета, Леонид осторожно открыл её.

За столом сидела средних лет женщина, оторвавшая взгляд от какой-то книги и внимательно посмотревшая на вошедшего.

Увидев листок с аттестацией в руках Леонида, она предложила ему сесть и спросила по-английски:

— Ну, и что вы знаете?

— Наверное, уже немного, — постарался ответить Леонид своему первому экзаменатору по-английски.

На этом запас всех своих английских слов он исчерпал и уже по-русски продолжил:

— Но если его подучить, то я его вспомню, — честно сознавшись при этом.

— На что Вы сдали экзамен в училище? — женщина с прежним любопытством смотрела на Леонида.

— Да на «четвёрку» сдал я его, — сознаться в своих успехах Леонид.

— А... Вы, наверное, сдавали экзамен Гамзиной? — женщина вопросительно взглянула на Леонида.

— Да! Точно! Она была в экзаменаторской комиссии, — вспомнил он.

— Так, — его нерешительность преподаватель приняла, как согласие и протянула руку. — Давайте Вашу бумагу, я её подпишу. Но смотрите, — она, подписала обходной лист и вернула его Леониду, — Чтобы Вы, Бобровский учили, потому что Вам, за первый год работы в пароходстве, придётся сдать шесть уроков. И не забывайте то, что как только вы зайдёте в Питер, Вы должны приходить ко мне и сдавать все эти уроки. Иначе Вас не выпустят в заграничный рейс, — тут она уже торжественно глянула в понурые очи Леонида.

Конечно, он полностью показывал своё согласие с преподавателем, о чём говорил его покорный вид, потому что Леонид, как китайский болванчик только и кивал:

— Понял, понял, — монотонно повторяя при каждом слове преподавателя по-английски.

Хотя Леонид абсолютно ничего не понял из объяснений преподавателя. Когда он будет ходить и, главное, для чего он будет ходить? Но главное задачей для него в данный момент являлось то, чтобы эта интеллигентная женщина подписала ему аттестационный лист поэтому соглашался со всем, что бы она ни сказала.

Видя полную покорность и согласие новоявленного инженера, преподаватель подписала обходной лист, а Леонид скромно покинул столь уютный, светлый кабинет.

Теперь ему предстояло пройти технику безопасности.

В Дальневосточном пароходстве, чтобы пройти технику безопасности, надо было быть очень знающим человеком. Потому что товарищ Русаленко, являющийся начальником отдела техники безопасности пароходства, изобрёл такие методы сдачи аттестации и инструктажей, что оттуда, после их сдачи выходили только профессора или доктора наук. Только каких — неизвестно.

Заходя в кабинет техники безопасности при пароходстве, Леонид приготовился к очередному экзамену, который он сдал Русаленко на «пять», что оказалось невероятным в истории училища. Обычно все его еле-еле сдавали на «три».

Но здесь оказалось всё намного прозаичнее и проще.

Посмотрев в обходной лист, инспектор, увидев, что Леонид только что закончил ДВВИМУ с интересом посмотрел на него и поинтересовался:

— У вас Русаленко вёл технику безопасности?

— Да, — согласно кивнул Леонид?

— Ну и как? Ты экзамен с первого раза сдал?

— Да, — так же веско подтвердил Леонид, а инспектор, получив такую информацию, задал всего несколько вопросов:

— Ты знаешь, как в картер лазить?

— Знаю.

— Что такое двенадцать Вольт знаешь?

— Знаю.

— Сварочные работы знаешь, как проводить?

— Знаю.

— А токарные?

— Знаю.

— Ну, если всё знаешь, то иди и проходи аттестацию дальше, — решил инспектор и поставил на бумагу Леонида подпись и печать, а тот пошёл на военно-морскую подготовку, по пути зайдя в химическую лабораторию.

Там стройная женщина в белом халате, посмотрев в его аттестационный лист, спросила: — Вы идёте работать четвёртым механиком?

— Наверное, четвёртым, — предположил Леонид, потому что до сих пор ещё никто не сказал ему, на какую должность его берут работать в пароходство.

Это сейчас он сам себя назначил на эту должность.

А что? Высшее образование есть, рабочий диплом есть. Желание работать есть. Только вот опыта работы четвёртым механиком — нет. Но во время своих практик Леонид полностью ознакомился с работой четвёртого механика и был уверен, что с ней легко справится.

— Тогда запомните, что Вы ежедневно должны будете делать анализы воды вспомогательного котла, — нудно наставляла его женщина в белом халате. — А чтобы знать, как их делать, вы должны знать, как работать с экспресс лабораторией СКЛАВ-1. Вот Вам инструкция и сидите, и изучайте СКЛАВ (СУДОВАЯ ЭКСПРЕСС-ЛАБОРАТОРИИ КОНТРОЛЯ КАЧЕСТВА ВОДЫ), — но, увидев непонимание аббревиатуры в ясных очах Леонида, перевела ему значение слова СКЛАВ. — Так что сидите и изучайте.

Леонид послушно сел и принялся за прочтение инструкции. Вскоре он её одолел и вновь обратился к женщине в белом халате:

— Да всё мне понятно. Во время практик четвёртые механики показывали мне, как всё это делается, — и уверенно посмотрел в глаза нудной женщины.

— Замечательно, — уже бодрее отреагировала на его слова женщина. — Теперь вот Вам журнал, который вы должны будете заполнять. Смотрите, как он заполняется, — и начала подробно объяснять Леониду элементарные вещи.

На её объяснения он только твердил:

— Да, да, да, всё понятно.

Тогда лаборант, или кем там являлась эта аккуратная женщина, попросила его написать пару химических формул и решить одну химическую задачу.

А так как Леонид в училище по химии получил «пятёрку», то он быстро выполнил её задание и женщина в белом халате, проверив их, осталась довольна и благостно изрекла:

— Теперь с Вами всё ясно. Давайте свой лист. Редко, кто у нас показывает такие знания, — похвалила она Леонида. — Но, не забывайте приносить нам котельную воду на анализ при каждом заходе судна в порт. Понятно?

— Понятно, — скромно подтвердил Леонид своё понимание.

Женщина подписала ему обходной лист, а он поспешно покинул лабораторию.

Теперь, Леониду следовало двигаться на ВМП (Военно-морская подготовка). Для этого требовалось пройти через весь порт, или опять сесть на автобус и ехать на Морвокзал, где и проводилась эта самая ВМП. Делать такого кругая Леониду не хотелось, и он решил пройти на Морвокзал через порт.

Удостоверение ему ещё не выдали. А очень упитанная тётенька на проходной не хотела пропускать его без этой корочки. И только когда Леонид предъявил ей направление на работу, паспорт, аттестационный лист, она сообразовала пропустить его через турникет проходной.

До Морвокзала через весь порт пришлось идти пешком. Автобус, как во Владивостоке, по нему не ходил, но для молодых ног Леонида это ничего не значило.

Добрался Леонид до ВМП, с надеждой, что сейчас ему там точно также, не глядя, поставят все подписи.

Но оказалось, что бывшие зубры военно-морского флота, капитаны первого-второго ранга в отставке, просто так свой хлеб не ели.

И тут Леонид глубоко сел в лужу, наверное, по самые уши, потому что наставники выяснили, что он ни черта не смыслит, ни в военно-морской подготовке судов, ни в чём-либо ещё.

Они выяснили, что Леонид не знает, что такое вентиляция и ПКЗ (пункт коллективной защиты), а что такое ядерный взрыв и как бороться с его последствиями — для него вообще оказалось тайной за семью печатями. Они выдали ему внушительную стопку книг и со словами:

— Иди, сиди и читай, — отправили в одну из аудиторий, обвешанную плакатами о всяких термоядерных страстях.

От серьёзного отставного офицера Леонид получил пять книг и ещё столько же инструкций. Тут он с прискорбием понял, что за один день прочитать это не реально, поэтому с умным видом устроился за одним из столов и принялся познавать всё то, что нехорошие американцы могли бы применить против несчастных мирных судов.

Как всё это напоминало училище, где курсанты точно так же сидели и долбили эту ВМП. Сидел Леонид и читал все эти премудрости до полпятого.

В полпятого наставники скомандовали:

— Сдать полученные документы и все могут быть свободны.

Сдав книжки, Леонид, как бы невзначай, поинтересовался у одного из наставников:

— А дальше что?

— А дальше то, что не дочитал, будешь приходить сюда каждый божий день и отчитываться, что ты выучил. Когда мы поймём, что ты готов, то после этого подпишем тебе твой обходной лист и тогда — иди и работай, — объяснил ему бравый на вид дядечка в гражданском.

Леониду непроизвольно подумалось:

«Вот это я попал...»

И, на самом деле, пришлось ему сидеть на этой ВМП десять дней, чтобы всё выучить и убедить наставников в своей компетенции по борьбе с оружием массового поражения.

Леонид с самого начала поинтересовался у наставников:

— А сведения, которые мы тут получаем, секретные? Можно их конспектировать?

— Конечно, можно. Даже нужно их конспектировать для лучшего изучения дома.

Леонид вынул заранее припасённую тетрадь в девяносто шесть листов, куда и принялся записывать все методы и способы борьбы за живучесть судна и как выжить при применении оружия массового поражения.

За дни подготовки он исписал больше половину тетради. Она Леониду потом пригодилась много раз при прохождении многочисленных аттестаций в течение всей его морской жизни.

Вернулся он домой после первого дня обучения уже в темноте. Филипповна встретила его с обеспокоенным видом и тысячей вопросов, где же это он потерялся и не застрял ли опять в каком-либо автобусе и ещё много чего.

Задавая многочисленные вопросы, она накрыла ему стол на кухне и накормила.

Пока Леонид ел, из своей комнаты выскребся Петруха. Оказывается, он сегодня на работу не ходил. Жена позвонила и сказала, что он заболел. Петруха и в самом деле выглядел очень даже больным. Оказывается, на него вчерашнее возлияние очень плохо подействовало. После бутылочек, что они вчера уговорили, сил у Петрухи на сегодня не осталось. Он даже шевелился с трудом.

Вид он имел бледный и несчастный. На полусогнутых ногах, как тень, он проник на кухню и уселся на табуретку, напротив Леонида.

— Ты как? — едва прошептал он.

— Нормально, — ответил ему Леонид с набитым ртом. — Аттестацию проходил.

— А я вот не могу. Помираю, — едва хрипел Петруха.

— Да ты пять капель на зубок прими и полегчает, — посоветовал ему Леонид, продолжая уминать ужин.

Петруха, как-то просветлённо посмотрел на него.

— А у меня есть немного... — всё также шёпотом признался он.

— Так, вынимай. Наливай. Лечись, — подал Леонид ему один из известных всем советов.

Петруха вытащил из глубины шкафа полбутылки со словами:

— Давай, пригубим, а то я ещё помру тут.

Леонид достал стаканы, и они опустошили тару.

Леонид доел всё, что ему положила Филипповна, а Петруха чего-то опять скис и потихоньку пошкрябался к себе в комнату.

Леонид же прошёл к Филипповне:

— Спасибо Марья Филипповна за ужин. Тарелки я помыл. Я в комнате. Мне надо ещё почитать кое-что для аттестации

Филипповна кивнула головой. Она занималась пошивом какой-то шапки:

— Да, да, да, — пробормотала она, не отрываясь от работы. — Ты иди к себе в комнатку. Ложись там, читай. Свет там и тепло есть. Что хочешь, то и делай. Туалет ты знаешь где. Всё, иди. Утром я тебя разбужу.

Глава третья

Так и начиналось жизнь Леонида у Филипповны.

Утром они выходили из дома, садились в автобус и ехали. Филипповна до Центральной площади, а Леонид до Морвокзала.

Там он поднимался на второй этаж и сидел целый день с перерывом на обед, читая книги по защите судна от оружия массового поражения.

После десяти дней учёбы Леонид с трудом, но сдал наставникам всё то, что подчерпнул из самых умных в мире книг о военно-морской подготовке. Наставники вытащили из него клещами всё, что могли и даже то, что он и не предполагал, что знает и с Богом отпустили в отдел кадров.

Увидев Леонида с подписанным обходным листом, инспектор удивился:

— А чего это ты так рано вернулся? Механики там обычно по месяцу сидят.

Леониду польстило такое удивление инспектора, что означало похвалу.

— Ну, вот так получилось, — скромно пожал он плечами и развёл руками.

— Ладно об этом, — инспектор положил обходной в тоненькую папочку с фамилией Леонида. — А сейчас иди к механикам-наставникам и побеседуй там с ними.

Тяжело вздохнув, Леонид направился к наставникам. Но как же ему этого не хотелось! Хотя, вечерами он зубрил Устав Морского флота, правила технической эксплуатации дизелей, котлов, вспомогательных механизмов и различные приказы по пароходству, выданные ему в библиотеке.

Знаний, подчерпнутых из этих книг, оказалось столько много, что из них в голове Леонида образовалась каша... Это являлось одной из причин почему он побаивался идти к наставникам.

Пройдя в соседний корпус, Леонид осторожно постучал в дверь, где сидели наставники и, приоткрыв её, как можно скромнее и незаметнее просочился в кабинет.

Тот же самый полноватый мужичок, увидев его, доброжелательно поманил пальцем:

— Чего стесняешься? Проходи. Отныне это будет тебе отчим домом, — и окинул кабинет глазами.

От такого каламбура он усмехнулся и показал Леониду на стул перед своим столом.

Но тот его шутки не оценил, потому что думал совершенно о другом. От напряжения и волнения его слегка знобило.

Он даже перед самыми серьезными соревнованиями так не мандражировал, как перед этим наставником.

Ведь ему сейчас придётся подтвердить все свои знания, полученные за пять лет в училище. Что наставник спросит? Как он будет спрашивать? И что ему ответить?

Эти мысли только и раздирали голову Леонида. Ведь если он сейчас пройдет аттестацию, то его направят работать четвертым механиком, а если нет — то придётся работать целый год мотористом. То есть до следующей аттестации. О таких случаях Леонид слышал и поэтому чувствовал такую неуверенность.

А наставник, не замечая взвинченного состояния Леонида, принялся «допрашивать» его, то есть аттестовать или если ещё мягче сказать — проверять знания и обязанности.

Вынув список вопросов на нескольких листах, он, переходя с одного пункта на другой, начал «беседу».

Это, конечно, мало походило на душевный разговор. Скорее всего, это напоминало викторину. Я тебе вопрос, а ты мне ответ.

Леонид принял эту игру. Волнение как-то само собой улеглось, он сосредоточился на задаваемых вопросах и из каши в его голове в сторону наставника полетели чёткие ответы.

Как потом выяснилось, вопросов оказалось ровно сто. На девяносто пять Леонид ответил правильно, на два с сомнениями, а вот на три — вообще не знал ответа.

Но наставник ободрил его:

— Не каждый механик знает на них правильный ответ, тем более такой, как ты. Без практики.

Допрос длился около двух часов. Пот с Леонида катился градом. Он исписал множество листов бумаги, где рисовал различные схемы, графики и таблицы.

Как всё это хранилось в его голове? Он так и не смог себе объяснить, но наставник, выслушивая очередной ответ, с довольным выражением лица ставил «птицу» в своём опроснике.

— Давненько я не беседовал с таким механиком, — довольно приговаривал он, потирая руки. — Давай сюда свой обходной. Я его с удовольствием подпишу.

Расписавшись в нём, он выдал Леониду зачётную книжку для дальнейших аттестаций.

— Желаю успехов тебе в дальнейшей твоей работе. А главное — успешного возвращения домой, — напутствовал он Леонида, прежде чем отпустить.

На прощанье наставник пожал руку Леонида, а тот с облегчением, как будто скинул с плеч тяжеленный рюкзак, направился в отдела кадров.

Несмотря на все сегодняшние испытания, Леонид чувствовал себя прекрасно, испытывая невероятную легкость и свободу.

Точно такое же ощущение он испытывал в тайге, когда их пятнадцатилетних мальчишек геофизики отправляли из таежного лагеря в посёлок за продуктами. Посёлок находился за двадцать километров от лагеря. Переход от посёлка до лагеря требовалось совершить за один световой день, чтобы ночью не остаться ночевать в лесу.

Весили мальчишки от силы килограммов по сорок пять, а в рюкзаках несли продуктов на двадцать килограммов. Поэтому, придя в лагерь, и скидывая рюкзак с плеч, они чувствовали неопишное облегчение, запомнившееся Леониду на всю оставшуюся жизнь.

Увидев Леонида, инспектор отдела кадров неподдельно удивился:

— Что? Уже всё? Неужели всё сдал?

— Да сдал, — как будто ничего особенного не произошло, скромно ответил он инспектору.

— А книжка где? — не унимался инспектор.

— Вот и книжка, — Леонид протянул инспектору аттестационную книжку с отметками. Тот внимательно изучил её и покачал головой:

— Ну, ты у нас и рекордсмен... Никто ещё так быстро аттестацию не проходил. Обычно, молодые специалисты сидят тут месяцами, — и, вернув книжку Леониду, по-деловому продолжил:

— Сейчас я дам тебе направление. Пойдёшь на «Читу». Ты же с автоматикой знаком? — инспектор испытующе посмотрел на Леонида.

— Знаком, — утвердительно кивнул тот в ответ и пояснил: — На одной из практик пришлось работать на автоматизированном судне.

— Ну, вот и хорошо. «Чита» — это новое автоматизированное судно. Туда мы абы кого не посылаем, — он со значением посмотрел на Леонида, подняв указательный палец руки вверх.

— Да? — удивился Леонид, а так как он ничего не имел против такого приговора, то только поинтересовался:

— А когда надо будет туда идти?

Инспектор посмотрел в какие-то свои списки, поднял на него глаза и неопределенно сказал:

— Приходи завтра утром. Тогда я конкретно определяюсь, когда судно подойдет в порт, и уже тогда выпишу тебе направление и все необходимые документы.

С облегчением узнав, что инспектор сегодня его никуда не направит, Леонид вышел на улицу. Он хотел побыстрее вернуться к Филипповне и предупредить её о такой радости, что скоро ему дадут новое судно и он уйдёт в свой первый рейс.

Озадаченный навалившимися мыслями, Леонид направился к автобусной остановке. Но, не пройдя и десятка метров, чуть ли не столкнулся с высоким парнем.

Подняв голову, он поразился, увидев знакомое лицо. А когда пригляделся, то понял, что этот парень — Валерка Тиманов.

«Ничего себе! Вот это да!» — пронзила его мысль.

Ведь с Валеркой он учился в Мурманске три года, а теперь Валерка здесь.

Валерка учился в первой группе, а Лёнька в третьей. Но как он тут оказался?

Валерка не узнал Леонида, но, пройдя пару шагов и, что-то вспомнив, обернулся и остановился:

— Подожди, ты же Макаров, — нерешительно проговорил он.

— Да! Именно он! — Леонид несказанно обрадовался неожиданной встрече.

Они крепко обнялись и, отстранившись, радостно разглядывали друг от друга.

Когда первые эмоции от встречи прошли, Леонид заметил, что рядом с Валеркой стоит миловидная женщина.

Женщина такого же возраста, как и все они. Очень симпатичная, в кокетливой меховой шапочке.

Валерка представил её:

— Это моя жена. Мы только недавно поженились и по направлению приехали сюда, — он обнял жену за талию и влюбленно посмотрел ей в глаза.

Неожиданно мозг Леонида покорила чёрная мысль:

«Вот и у Стаса, после женитьбы, жена последовала за ним. И у Валерки. Они ничего не побоялись. А вот моя... Испугалась трудностей и осталась во Владике».

Но, тут же отбросив секундную чернуху, обратился к Валерке:

— Ты тоже в пароходство направлен?

— Нет. Ты что? Мы идём сейчас через проходную на второй причал, оттуда скоро на Северо-Курильск должен отойти пассажирский пароход. Вот на него мы сейчас и идём. Я получил направление в рыбный порт, и буду работать там, — он, как всегда, блеснул своей белозубой улыбкой. — Пока не знаю кем, но работать буду там это точно.

В голове Леонида как-то само собой пронеслось:

«Как хорошо, что в своё время папа за меня подумал и способствовал моему переводу из МВИМУ в ДВВИМУ.

Поэтому мне не надо ехать в Северо-Курильск и не придётся таскать за хвост селедку». Только сейчас Леонид начал понимать, что хорошо, что папа в своё время отговорил его закончить обучение в МВИМУ и перевестись в Дальневосточное Высшее Инженерное Морское Училище, успешно им законченное. Это, конечно, папе стоило многих моральных затрат. Но

только сегодня Леонид почувствовал их плоды и был безмерно благодарен папе за то, что тот в своё время переборол его упрямство.

Поговорив с Валеркой минут пять, они простились, и Леонид вернулся к Филипповне, наивно посвятив её во все свои новости.

Но, Филипповна выглядела довольной, от того, что её дальний родственник, неожиданно свалившийся ей на голову, покидает её.

Потому что, как стал замечать Леонид в последнее время, она уже устала от его присутствия.

Ведь ей приходилось готовить каждый день еду и это отвлекало её от основного занятия, которым она занималась вечерами.

К ней постоянно приходили очень состоятельные клиентки, приносившие шкурки песцов, соболей, лис, а она шила из них шапки, воротники и прочее, чем женщины старались украсить себя.

Филипповна сидела у себя в комнате вечера напролёт и всё время что-то шила. Поэтому у неё холодильник ломился от икры, красной рыбы, балыка, различных колбас и копченого мяса. Кладовка в её комнате напоминала забитый всякими бутылками с различными спиртными напитками, винами и шампанским небольшой магазинчик.

Филипповна без Леонида жила очень даже неплохо, но она от него устала, потому что он ей мешал работать.

В один из вечеров Филипповна попыталась научить его скорняжному ремеслу. Она хотела, чтобы Леонид оказывал ей помощь, но у него ничего не получилось. Он как-то раз чуть не испортил ей одну из шкурок и она, поняв, что с Леонида не будет никакого толка, отстранила его от одного ремесла, а сейчас с радостью восприняла его новое назначение.

По этому поводу она приготовила несметное количество блюд для поглощения и достала из заветной кладовки несколько бутылок коньяка и шампанского.

Опять позвала Лену с Петрушей, и вся честная компания допоздна сидела, отмечая назначение Леонида на судно. Хотя для Леонида ещё толком ничего не прояснилось с его назначением на «Читу», но Филипповна уже прощалась с ним.

Глава четвёртая

Утром, как обычно, Филипповна разбудила Леонида, накормила завтраком и, перекрестив на прощание, пожелала:

— Бог тебе в помощь.

Попрощавшись и прихватив собранный чемодан, Леонид вновь двинулся к знакомому автобусу, идущему в город.

Взобравшись на второй этаж отдела кадров и, оставив свой неподъёмный чемоданище в холле, Леонид зашёл к инспектору.

Тот с удивлением посмотрел на него и, сделав вид, что вспомнил что-то важное, забормотал:

— Да, да, да... Хорошо, что ты пришёл. А то я уже хотел посылать за тобой. Я сейчас выпишу тебе направление, и ты пойдёшь на «Читу». Она уже стоит у четвёртого причала, — и показал рукой в направлении порта.

Через пару минут Леонид держал направление в руках и направился к проходной порта.

К тому времени ему уже выдали удостоверение с фотографией, и он каждый раз показывал его на проходной, когда ему приходилось входить в порт.

Вот и сейчас, он свободно прошёл через проходную и двинулся к причалу, где стояла «Чита».

Подойдя к ней, Леонид поразился насколько черты и вид этого современного судна отличались от рядом стоявших пароходов.

Она выглядела, как картинка. Чистые серые борта, белоснежная надстройка, мощные жёлтые мачты с грузовыми стрелами. Всё подчёркивало в ней изящность и грациозность.

Поднявшись на главную палубу по ещё не потрепанному временем трапу, Леонид обратился к вахтенному матросу в залихватски сдвинутой на затылок ондатровой шапке:

— А как мне пройти к старшему механику?

— А тебе это зачем? — удивился матрос с интересом осмотрев запыхавшегося молодого парня с огромным чемоданом.

— Я новый четвёртый механик, — представился Леонид, вынимая из кармана только что полученное направление.

— А-а, — протянул матрос и, не глядя на протянутую бумажку, махнул рукой, предлагая Леониду последовать за ним. — Пошли.

Открыв дверь в надстройку, они вошли в чистый просторный коридор и поднялись палубой выше.

Остановившись у одной из открытых дверей, матрос стукнул костяшками пальцев об косяк двери и заглянул во внутрь.

— Сергей Николаевич, к вам тут новый четвёртый механик пожаловал. Говорит, что направление получил на наше судно.

Из-за стола поднялся высокий, поджарый мужчина. На его правильном, продолговатом лице не отобразилось ни единой эмоции. Правой рукой пригладив аккуратно зачёсанные назад волосы, он грозно посмотрел на стоящего в дверях Леонида:

— Четвёртый, что ли?

— Да, четвёртый механик, — не ожидав увидеть такого сурового старшего механика, пролепетал Леонид. — Вот моё направление, — и протянул стармеху направление.

Тот небрежно взял его, повертел в руках и окинул взглядом исподлобья притихшего парнишку.

Все движения стармех осуществлял не торопясь, но в каждом из них сквозила многозначительность и важность.

Старший механик излучал из себя столько барственности, что Леонид стоял перед ним, как крепостной крестьянин перед барином. Его так поразил вид стармеха, что он чуть ли не снял шапку и не заломил её перед хозяином.

В отличие от людей, встречавшихся Леониду до сих пор, дед излучал из себя столько важности, столько значимости, что ему даже стало страшно, что это старший механик, а не его барин, да и вид деда соответствовал этому, потому что одет он был в выглаженные серые брюки с идеальными стрелочками и в белоснежную рубашку без единой складочки. Ему ещё не хватало только бабочки или строго галстука.

Повертев направление в руках, дед пригвоздил Леонида тяжёлым взглядом и представился глубоким сочным басом:

— Сергей Николаевич, — плавно протянув Леониду руку.

Леонид бросился к руке барина и, пожимая её, не почувствовал на ней ни мозолей, ничего характерного для руки механика. Ладонь стармеха оказалась гладкой, но мощной.

Хотя рука Леонида тоже выглядела не детской лопаткой, но он почувствовал в руке стармеха недюжинную силу.

Покончив с рукопожатием, стармех ещё раз окинул Леонида оценивающим взглядом и пророкотал:

— Так. Ладно. Иди вон туда, по коридору, — показав жестом, куда надо пройти, — положи свои вещи в каюте четвёртого механика, а затем подходи ко мне. Пойдём к капитану. Будем решать, что с тобой делать.

Когда Леонид вернулся в каюту деда, тот вновь из-под грозно сдвинутых бровей посмотрел на него:

— Так... Ты автоматику в училище изучал? — задал он первый вопрос.

— Изучал, — робко и неуверенно ответил Леонид. Кто его знает, что этому суровому дядьке ещё придёт на ум спросить?

— Двигатель, MAN KZ 57/80, знаешь, что это такое? — так же сурово спросил, а вернее, спросил он.

Это уже оказалось полегче:

— Знаю, на пассажирских судах проходил практику и их там два стояло. Приходилось и в моточистках участвовать, — попытался пояснить Леонид.

— Это уже лучше, — в голосе деда послышались одобрительные нотки. Но тут в его голос вернулась прежняя суровость. — А динамки NVD в курсе, как обслуживаются?

— Конечно в курсе, на «Приамурье» даже приходилось моточистку делать на одной, — тут же вспомнил Леонид.

— Так. Ясно, — только Леонид не понимал, что же ещё хочет узнать дед, но стоял перед ним навтыжку, как перед своим командиром роты Сысоевым Геннадием Гавриловичем, приготовившимся дать ему несколько нарядов вне очереди за очередную провинность.

Леонид всем своим видом излучал полную готовность ответить на все вопросы сурового стармеха.

— А котлы. Как ты к ним относишься? — продолжил допрос грозный дед.

Пришлось тут же переключиться на другую тему и так же бодро отвечать:

— Четвёртые механики меня, в своё время, экзаменовали и инструктировали по эксплуатации котлов.

— Ладно, — в голосе деда почувствовалось какое-то смягчение, — Значит... подготовлен. Это хорошо, — он прошёлся по каюте и, повернувшись к Леониду, изрёк. — Тогда пошли к капитану.

Леонид отодвинулся из проёма двери, пропуская в неё деда, а тот по-прежнему не спеша, вышел из каюты и начал подниматься по трапу.

Поднявшись на капитанскую палубу, дед, не меняя темпа походки вошёл в каюту капитана, стукнув для приличия костяшками пальцев об косяк открытой двери.

Вальяжно войдя внутрь, он без разрешения уселся в кресле напротив стола:

— Анатолий Михайлович, вот это к нам новый четвёртый механик пожаловал, — указал он тяжёлым взглядом на застывшего Леонида. — Будем брать его? — после этих слов дед внимательно посмотрел на капитана.

Капитан, повернувшись к Леониду посмотрел на него и перевёл взгляд на стармеха:

— Ну, а что делать? Если направление есть и отдел кадров согласен, то придётся брать. У нашего-то жена беременная и вот-вот рожать начнёт. И, тем более, ему надо на третьего сдавать. Он уже тут всем мозг пропудрил, что задержался в четвёртых механиках, — капитан ещё раз оглядел Леонида с головы до ног и решил: — Пусть принимает дела. Посмотрим, что ты за четвёртый механик такой, — это уже касалось лично Леонида и впервые пристально посмотрел ему в глаза.

Дед поразмыслил, усваивая приказание капитана, и поднялся с кресла:

— Хорошо. Я это обеспечу, — чеканя каждое слово, пообещал он и также не спеша вышел из каюты.

Леонид проследовал за ним.

Войдя к себе в каюту, дед на пороге развернулся, не дав Леониду пройти за ним, и важно изрёк:

— Иди, принимай дела, — махнув рукой в сторону конца коридора.

Под воздействием такого сурового приказа Леонид развернулся и бросился в каюту, где оставил свои вещи.

Когда он туда ворвался, то там уже сидел здоровенный мужик лет под тридцать. Леонид подошёл к нему и протянул руку:

— Леонид.

— Николай. Ты что? Мне на замену пришёл? — в голосе мужика прозвучало столько надежды...

— Да. А, как будто ты этого не хочешь? — скептически усмехнулся Леонид.

Сегодня все эти человеческие волнения уже настолько переполнили его, что он с трудом сдерживал себя, чтобы не разорваться или не бить по переборкам кулаками. Ему требовалась разрядка.

Но Коля оказался не пробиваем, как мамонт в мезозойскую эру. Он встал с дивана, улыбнулся и позвал Леонида за собой:

— Пошли, буду тебе всё показывать.

Колян оказался намного выше Леонида, а если учесть внушительный живот, то вес его переваливал далеко за сотню.

— Переодеться-то хоть можно? — застопорил его Леонид.

— Да переодевайся, кто тебя держит. Это время только на меня работает, — спокойно проговорил Николай и вновь уселся на диване.

Достав робу из чемодана, Леонид тут же переоделся, и они с Коляном спустились в машинное отделение.

Машинное отделение блистало чистотой, там только что пылинки нигде не лежала.

Всё блестело и сияло. Плиты зелёные, леера сверху чёрные, а внизу белые, отполированные поручни блестели. Насосы и динамки выкрашены салатной краской. На главном дви-

гатель ни пылиночки, ни подтёка. Вокруг царила идеальная чистота, как в операционной. Леониду даже стало стыдно за свою поношенную и застиранную робу.

Пройдя по машине, они зашли в ЦПУ (Центральный Пост Управления), с многочисленными разных цветов лампочками на панелях. Сейчас часть из них горела красным цветом, обозначающим, что данные механизмы остановлены.

На мнемосхемах все механизмы чётко обозначены. Панели мнемосхем нежно салатного цвета. Пульты серые. Красота — да и только!

Вид ЦПУ Леонида поразил. Он даже не мог поверить, что такое может происходить в машинном отделении.

Такое машинное отделение он видел только однажды, когда во Владивосток пришло ленинградское судно. Курсантов их роты туда привели на экскурсию в машинное отделение, но только потом они три дня зачищали остатки сахара в его трюмах.

Леонид при виде такой красоты с удовольствием подумал:

«Вот это же надо! Это мне придётся здесь работать! В таком чистом и прекрасном машинном отделении».

Ему стало очень приятно, что судьба так благосклонно отнеслась к нему.

Только чуть позже все эти феерические впечатления быстро исчезли, потому что Леонид своим горбом понял и своими руками ощутил, как достигается подобная красота.

А сейчас ему пришлось слушать Коляна, важно рассекавшего по машинному отделению и знакомившего его с механизмами будущего заведования.

Поэтому Леонид старался впитывать и запоминать каждое его слово. Ведь через несколько часов он уйдёт, и никто ему больше об этом не расскажет.

Николай, чувствуя свою значимость, очень важный, как большой господин, ходил, подводя Леонида к механизмам, тыкал в них пальцем, нажимал какие-то кнопки и объяснял через губу, как со всем этим хозяйством обращаться.

У Леонида в заведовании оказался полностью автоматизированный котёл, испаритель, и множество насосов. Оказалось, что всё это он должен досконально знать и уметь со всеми этими механизмами обращаться и управлять ими.

Мозг Леонида, как губка, впитывал всё, что показывал Николай и его пояснения сразу начали укладываться в его голове.

Выйдя из машины и, не переодеваясь, они сходили на обед в столовую команды, а после обеда продолжили знакомство с машинным отделением.

Надо отдать должное четвёртому механику. Хоть он и важничал, и показывал своё превосходство надо Леонидом, неоперившемся салагой, но машинное отделение он знал досконально.

К пяти часам все дела по передаче дел они завершили и пошли к старшему механику.

Дед грозно глянул на вошедших четвёртых механиков из-под полуопущенных век и, как бы нехотя, поинтересовался у Леонида:

— Ну, что? Как ты там, всё освоил?

— Да. Освоил кое-что. Но всё это закрепится только практикой... — Леонид попытался объяснить деду своё состояние, но тот не стал слушать его, а прервал царственным жестом.

— Понятно ... — и распорядился, — а сейчас иди ко второму механику, пусть он тебе всё выделит, что нужно. Завтра утром будет отход.

Ну, отход, так отход. Отлично!

Хотя самостоятельно Леонид никогда ещё не отходил, но тут дед добавил:

— Я тебе дам опытного моториста, который будет за тобой приглядывать, — и, не глядя на Коляна, кинул ему:

— А позови-ка ты мне сюда Максимова.

Несмотря на свой рост и вес, четвёртого механика сдуло из каюты, словно пушинку, а через пару минут он запыхавшийся вернулся вместе с долгожданным Максимовым.

Моторист Максимов оказался небольшим лысоватым мужичком, скорее всего татарин, ростом метр пятьдесят с кепкой лет за тридцать пять.

Дед, пристально глядя Максиму в глаза, приказным тоном поведал тому:

— Так... Максимов, — чуть ли не прорычал он, — на вахте с тобой будет стоять новый четвёртый механик, — а не наоборот, что Максимов будет стоять на вахте с новым четвёртым механиком. — Смотри, чтобы всё было нормально. И чтобы вы смотрели за всеми механизмами в оба! — в конце фразы голос деда повысился. — На отходе я вас проконтролирую. Но, чтобы в рейсе ты за ним глаз да глаз... Понял? — и убийственным взглядом уставился на несчастного Максимова.

От полученного приказа, Максимова, как будто прибили гвоздём к палубе, на что тот смог только пролепетать:

— Понял, понял.

Его, наверное, так ошарашило, что он вызван к самому старшему механику, поэтому он почти потерял дар речи и сил у него осталось только лишь на то, чтобы часто кивать, соглашаясь с каждым словом деда.

Видя полное согласие безмолвного моториста, дед царственным жестом отпустил его:

— Ладно. Иди уж, — после чего Максимов моментально испарился.

Теперь дед удосужился перевести взгляд на Николашу.

— Так, четвёртый, давай-ка мне все свои бумаги сюда. Подпишу я их.

Николай предал ему приёмо-сдаточный акт, который до этого всё время теребил в руках.

Дед просмотрел акт и, подняв глаза на Коляна, грозно спросил:

— А новый четвёртый что, ещё не подписал его?

Коляша от такого замечания потерял дар речи, но Леонид спокойно подошёл к столу, отодвинул Коляшу локтем, взял ручку и поставил внизу акта свою подпись.

Дед внимательно за всем этим пронаблюдал и размашисто поставил свою подпись в конце акта.

Завершив столь важный процесс, дед посмотрел на Леонида и торжественно изрёк:

— Всё! Теперь ты тут хозяин, а я с тебя буду всё требовать по полной программе. А сейчас иди и продолжай изучение машинного отделения.

Леонид и пошёл. Сначала он зашёл ко второму механику. Им оказался худенький, лысый мужичок с Леонида ростом по фамилии Бородкин.

Он повёл Леонида в машинное отделение.

Зайдя в ЦПУ, Бородкин вальяжно развалился в кресле перед пультом управления главным двигателем и закурил. Закинув ноги на пульт, он многозначительно молчал, подчёркивая свою значимость перед таким салагой, как Леонид.

Как потом оказалось, что такого кощунства, как закинуть ноги на пульт, он перед дедом себе не позволял, а только на полусогнутых бегал перед ним.

Сейчас же Бородкин, важно покуривая, с небольшим пренебрежением вещал:

— Ты тут вообще-то осторожнее, смотри, любую кнопку нажмёшь, может такое случится, что потом в море встанем. Поначалу пусть Максимов всё за тебя делает, он у меня вахту стоял, и я его вымуштровал, понятно?

— Да, понял я, понял, — Леониду почему-то стало неприятно общение с этим зазнавшимся сморчком.

— Ну, ладно, тогда давай, пройдемся, — второй поднялся с кресла и направился к выходу из ЦПУ.

Они прошлись по машинному отделению, и он показал Леониду ещё кое-что из своего заведования. Ознакомил с главными насосами и способами, как с ними можно оперировать в нескольких режимах, а только потом, вернувшись в ЦПУ, распорядился:

— А теперь у тебя есть время самому ознакомиться со схемами трубопроводов. Возьми бумажку и рисуй сам себе схемы.

— Какие схемы рисовать? Они что, на переборках не висят что ли? — удивился Леонид.

— Висят-то они, висят. Но надо конкретно для себя обозначить, чтобы ты сам знал, где каждый клапан находится в машинном отделении. Чтобы в любой момент, даже когда даже мы обесточимся и в темноте, ты бы смог туда добраться без всяких фонарей, на ощупь.

Чтобы отвязаться от Бородкина Леонид деланно с ним соглашался:

— Да, понял я. Понял. Всё понял, — кивая при каждом его совете.

А как же оказался прав Бородкин, когда советовал Леониду самому, на пузе проползти всё машинное отделение, чтобы каждой клеточкой тела прочувствовать его. Как же он был прав!

Но, самоуверенный, вновь испечённый четвёртый механик, поленился это сделать, подумав:

«Да ну его в баню, устал я, пойду ка я лучше в каюту и посплю».

Так Леонид и пошёл в свою новую каюту, оставив без внимания наставления Бородкина.

Кабюта ему очень понравилась.

Большой прямоугольный иллюминатор хорошо её освещал. Сейчас, зимой, он оказался плотно задраенным на барашки. Общий кондиционер не работал. Каюта обогревалась только электрическими грелками, установленными у бортовой переборки и излучавшими достаточно тепла. Температура в каюте регулировалась термостатом на панели грелок. Переборки, обшитые светло-коричневым пластиком, создавали уют, а с подволока лился ненавязчивый свет люминесцентной лампы.

К бортовой переборке, под иллюминатором, стоял прикрученный стол, справа от которого находился шкаф, а перпендикулярно к переборке уместился небольшой диванчик, на который запросто могли сесть три человека. А вот уже к диванчику, параллельно коридорной переборке прилегала кровать.

На неё просто так не ляжешь, потому что она стояла на постаменте, под которым находились два пустых выдвижных ящика. Поэтому в кровать, чтобы в ней улечься, приходилось вскарабкиваться.

Ящики под кроватью оказались пустыми и только в одном из них Леонид нашёл какой-то коричневый ящичек. Он попытался его открыть, но крышка не поддавалась, и Леонид задвинул его в глубь. Не твоё — не трогай. Не знаешь — не лезь. Принцип, усвоенный им из предыдущей своей морской жизни. Лучше спроси, а не лезь.

Леонид посчитал коричневый ящик судовым имуществом и поэтому больше не пытался открывать его.

Только намного позже он понял, что же находилось в этом ящичке, а сейчас не придал этому значения и задвинул его в дальний угол, заложив одеждой, чтобы он во время качки не «поехал».

При одной из жестоких качек, через несколько месяцев, при прохождении Четвёртого Курильского пролива, когда «Чита» попала чуть ли не в центр циклона, этот ящик начал «ездить» по дну рундука.

Приходилось во время сна упираться руками в переборку, а ногами в основание кровати, чтобы хоть как-то уснуть, а тут ещё шёл раздражающий скрежет из этого проклятого рундука под кроватью. Вещей, которыми Леонид расклинил этот небольшой коричневый ящичек, видимо, не хватило, чтобы зафиксировать его в неподвижном состоянии.

Что оставалось делать? Сохраняя равновесие, Леонид выкарабкался из кровати и включил свет в каюте.

Так ему не хотелось этого делать! Ведь через несколько часов надо вставать и идти на вахту...

Но он заставил себя вылезти из кровати. Ведь надо же как-то заснуть.

Встав и, соблюдая равновесие, Леонид открыл ящик рундука.

При очередном крене изловчившись, достал из него этот чёртов ящичек, от которого раздавался шум, скрежет и шуршание, не дающее ему уснуть.

С трудом удерживаясь на ногах, Леонид приподнял его крышку.

Хотя, когда он впервые увидел этот ящичек, то крышку так и не смог открыть, да ему это тогда и не требовалось. Он же тогда только устраивался в каюте.

А тут... Крышка легко открылась, и Леонид обездвижил от ужаса.

От увиденного, весь мир замер у него в глазах. В ящике находилась бутылка с ртутью.

Леонид сразу понял, что это ртуть! Она со смертельным блеском плавно переливалась в тщательно укупоренной бутылке, лежавшей в специальных мягких креплениях.

«Что делать?» — Леонид даже не успел об этом подумать, как ноги сами понесли его на палубу.

Несмотря на то, что бутылка провела под кроватью столько времен и елозила по дну рундука, как хотела, с ней ничего не произошло. Она оказалась целой.

Но сейчас Леонид держал этот чёртов ящик с бутылкой в руках, как полную чашу с водой, опасаясь расплескать хоть каплю, несмотря на качку в десять секунд с борта на борт, иногда доходящую до пятнадцати градусов.

Отдраив правой рукой кремальеру броняшки, выводящей на палубу и, широко расставив ноги, Леонид вышел на гладкую, зелёную, недавно покрашенную боцманом палубу и, чтобы не соскользнуть по ней за борт, ухватился за леер на надстройке.

Дверь выходила в сторону кормы и волны не доставали до третьей палубы, где находилась каюта Леонида. Они свободно гуляли только по главной грузовой палубе.

Страшно завывал ветер и Леонида сразу же обдало фонтаном злых и колючих брызг.

Вокруг стояла чёрная ночь. Только буруны волн, белеющие у борта, которые судно с трудом преодолевало, едва освещали путь к бортовым леерам.

При очередном крене Леонида вынесло к ним, где он и выпустил из рук столь ненавистный ему ящик за борт.

При следующем крене его унесло к двери надстройки, в которую и закинуло инерцией. Оказавшись в надстройке, Леонид плотно заdraил за собой дверь и вернулся в каюту.

От такого приключения его здорово колотило. Ведь он был на грани...

Но, обмывшись пресной водой из умывальника и растеревшись сухим махровым полотенцем, он расклинился уже на диване, пытаясь заснуть, до того времени, пока его прекрасным голосом не поднимет на завтрак буфетчица.

А сейчас Леонид переоделся, разложил вещи в шкаф и ящики под кроватью.

В каюте имелся только умывальник. Душ и туалет находились в коридоре, поэтому он прошёл в душевую, помылся, вернулся в каюту и завалился без зазрения совести спать.

Ноябрь 2017

Владивосток

Рейс первый

Часть вторая (жизнь судового механика)

Глава первая

Утром Леонид проснулся от приятного женского голоса. Сквозь сон он услышал мелодичное:

— Четвёртый механик, просыпайтесь! Я приглашаю Вас на завтрак.

Леонид почувствовал себя больше, чем ошарашенным! Такого подъёма у него ещё никогда в жизни не случалось. Никто его так никогда не будил, кроме мамы, которая всегда мягко целовала в щёчку и обнимала нежной рукой со словами:

— Лёнечка... Пора вставать, солнышко моё... Смотри, какое утро начинается... — ворковала она над ушком своего старшего сыночка.

А он, потягиваясь, обвивал её шею и отдавался столь любимым ласковым и мягким рукам.

Леонид проходил практику на трех судах, но, чтобы буфетчица вот так обходила каюты комсостава и будила... А особенно четвёртого механика... Он такого ещё не видел и не слышал. Но, если на этом судне так заведено, то он не против этого.

Леонид больше привык к подъёму под крик дневального по роте:

— Рота!!!! Подъём!!!! На зарядку!!!! Выходи!!!!

Или, когда его поднимали мотористы на вахту или на работу:

— Харё дрыхнуть... Подъём! — и вдобавок кто-нибудь подшучивал: — Сэр, Вас ждут великие дела...

От такого мелодичного голоса Леонид открыл глаза, отодвинул занавеску на кровати и ничего непонимающими глазами смотрел на милое создание, доброжелательно улыбнувшееся ему и ещё раз повторившее:

— Доброе утро! Вставайте, пожалуйста! Я приглашаю Вас на завтрак.

Оставалось только помотать головой и, в ответ на столь лестное предложение, хриплым со сна голосом ответить:

— Да-да, хорошо, сейчас, — и буфетчица, как мимолётное сновидение, исчезла, и Леониду волей-неволей пришлось вылезать из кровати.

Что ж ложиться уже? Тем более, что у него сегодня первый рабочий день.

Да! Его первый рабочий день в новой должности. Одеться требовалось поприличнее, чтобы показаться в кают-компанию.

Раньше Леонид допускался только в столовую команды. Кают-компанию он по уставу не мог посещать. Она ведь только для командиров. А теперь и ему можно присутствовать в ней.

Но особых одежд Леонида не имел. После курсантства у него оставалось два костюма: один свадебный, а на другой папа с мамой выделили ему в своё время семьдесят рублей, и он сшил его в ателье. Костюм сшили точно по его фигуре. Пиджак с отложным воротничком и красивыми расклёшенными брюками сшили по моде 1974 года в доме моделей города Владивостока.

Но не оденет же он его в кают-компанию. Ведь требовалось только позавтракать, переодеться в рабочую одежду и спуститься в ЦПУ на приём первой вахты.

Но Леонид недавно сшил себе в ателье очень стильные брюки. Они напоминали матрасовку, так как их сшили из полосатой ткани. Когда Леонид первый раз пришёл в них на танцы в Большой парк, то все обалдели от их расцветки.

Вскоре в таких «шедеврах» Леонид видел несколько ребят, выгуливающих по Ленинской.

И он решил надеть эти супермодные штаны вместе с цветной рубашкой на выпуск, тоже сшитой на заказ в ателье. В таком виде он и спустился в кают-компанию.

В кают-компании стояло два длинных стола, накрытые белоснежными скатертями и сервированных для завтрака. Столы с постройки установили по диаметру судна.

Возле каждой тарелки лежали ножи и вилки, а перед ними стояли стаканы для чая в мельхиоровых подстаканниках.

Столы окружали красивые, оббитые бежевой габардиновой тканью стулья, притянутые к палубе никелированными изящными талрепами.

Во главе первого стола, слева от входа, сидел капитан, а за вторым — стармех.

Рядом со стармехом сидел толстый дядька в возрасте далеко за пятьдесят, а около капитана — симпатичный, поджарый, одетый в аккуратный костюм мужчина.

Как только Леонид вошёл в кают-компанию, все сидящие моментально прекратили разговоры и у них чуть ли не попадали вилки из рук, а толстый дядька выдавил из себя возглас изумления:

— Эт-то что такое?

Не обратив внимания на его вопрос, Леонид вежливо поздоровался:

— Доброе утро! Здравствуйте! Я новый четвёртый механик.

Капитан, очень вежливый и интеллигентный человек, как потом оказалось, осмотрел Леонида с ног до головы и скомандовал:

— Четвёртый механик! Кругом! И приобретите вид настоящего командира, — и уже мягче добавил, — а не шута горохового с балаганной фабрики!

— Есть! — вырвалось по привычке у Леонида и он, чётко развернувшись через левое плечо, рванул в каюту переодеваться с одной только мыслью:

«Чем же им мои штаны не понравились? Всем нравились. А тут на тебе — не нравятся...»

Вернувшись в каюту, он нашёл свои серые, простые затасканные брюки, надел их, сменил рубашку и вернулся в кают-компанию.

Дневальная вчера вечером предупреждала Леонида, когда он ужинал в столовой команды:

— Уж очень строгий у нас пароход. Перед тем как в кают-компанию заходить, надо постучаться и обязательно спросить разрешения у капитана.

После переодевания Леонид вновь спустился к двери в кают-компанию и, предварительно постучавшись, вошёл, повернулся в сторону сидящего капитана и вежливо спросил:

— Разрешите войти? — застыв в ожидании разрешения у порога.

Капитан осмотрел его с ног до головы:

— Ну вот, — удовлетворенно хмыкнул он, — пожалуйста, проходите, садитесь.

Толстый дядька, сидевший около стармеха, показал Леониду место напротив себя:

— Вот это будет твоё место.

Леонид сел на указанное место, а буфетчица тут же поставила передо ним яичницу с куском обжаренной колбасы. На столе на отдельном блюде лежал белый, нарезанный тонкими ломтиками хлеб, выпеченный, скорее всего, на судне, масло, чай и сахар.

Леонид быстро уничтожил завтрак и, не обращая внимания на прерванную беседу начальников, спросил разрешения у капитана:

— Разрешите выйти?

Капитан доброжелательно кивнул головой:

— Да. Пожалуйста, идите! — продолжая разговор со стармехом.

Леонид осторожно поднялся из-за стола и вышел из кают-компания под любопытными взглядами окружающих.

Только тогда он понял, что что-то съел. А то, в присутствии четырёх старших командиров, он так быстро закидал в себя завтрак, что даже не заметил, что же ел.

Придя в каюту и переодевшись в рабочую одежду, спустился в машинное отделение, вход в которое находился почти напротив его каюты.

В машинном отделении все уже собирались в ЦПУ на разводку.

Когда Леонид вошёл в ЦПУ, то ему сразу бросился в глаза второй механик, вальяжно развалившийся в кресле и куривший. Рядом с ним на втором кресле сидел толстый дядька, которого Леонид видел в кают-компании.

Как потом оказалось, что видел он электромеханика и звали его Владимир Петрович Черенков.

Потом уже через несколько месяцев, когда Леонид освоился на судне, он с электромехаником очень сдружился. Владимир Петрович жил от Леонида через переборку.

Иной раз, когда в Петропавловске он устраивал ночные гулянки, Леонид стучал ему в переборку или заходил в каюту и умолял:

— Владимир Петрович... Ну дайте поспать... Ведь завтра же на работу!

— Ничего, мой юный друг, терпите. Не у каждого у нас бывает вторая молодость. У молодых людей, вообще-то должен быть крепкий сон. Ну а если его нет, то покрепче держитесь за кардан, — советовал старый одессит, — и пожалуйста, отдыхай себе на здоровье и не обращай на нас внимания, — похлопывал он по плечам (и не только по ним) своих весёлых спутниц.

Леониду приходилось возвращаться, поворачиваться ногами к переборке каюты электромеханика, накрывать голову подушкой и пытаться заснуть, а то и уходить к третьему механику поспать у того на диванчике, или к мотористу Саше Ермакову, с которым он как-то сразу сдружился.

А Саша Ермаков очень дружил с обладательницей столь прелестного голоса, буфетчицей Зиной.

Немного позже на судне собралась компания молодых и здоровых людей. Зинка, Саша Ермаков, Леонид и сварщик Валера Платонов. Они сдружились и частенько проводили свободное время во время стоянок в Питере то за городом, то в ресторанах. А один раз даже облетели на вертолете над Корякским вулканом, а в другой раз летали в Долину Гейзеров.

Ну, а тут, первый рабочий день. Что делать? Леонид понятия не имел. Он скромно стоял посередине ЦПУ напротив главной мнемосхемы и с любопытством рассматривал многочисленные приборы и красно-жёлто-зелёные лампочки.

Второй механик, видя его нерешительность, посоветовал:

— Так, четвертак... Вот тебе карандаш, ручка и бумага. И иди-ка ты с мотористом в машину и рисуй схемы. Вот тебе вахтенный моторист, — кивнул он на симпатичного рослого парня, — он тебе будет всё рассказывать и показывать.

Судно стояло в порту и грузовые операции производились только береговыми кранами.

Главный двигатель стоял, работал только один дизель-генератор, поэтому моторист оказался свободен. В знак согласия со вторым механиком он кивнул и повёл Леонида по машинному отделению.

Леонид сразу попросил его:

— Покажи мне механизмы моего заведования. Я вчера со старым четвёртым прошёлся и уже подзабыл кое-что.

— Нет проблем, — весело отозвался моторист. — Для начала, давай познакомился, — протянул он руку, — Саша.

Вот так Леонид и познакомился с Сашей Ермаковым.

Когда они спустились на нижнюю платформу, где почти не слышался грохот от работающего дизель-генератора, он дружески продолжал:

— Ну, давай! Что тебя больше всего интересует?

— Котёл и испаритель, — тут же выпалил Леонид.

Саша, махнув рукой Леониду, чтобы тот следовал за ним, поднялся палубой выше.

— Вот тебе котёл, — показал он на блистающий серебром котёл и предложил: — Давай его запустим, а потом остановим.

Леонид сразу согласился. Потому что вчера, всё то, что показывал ему старый четвёртый механик, из-за обилия информации, перемешалось в его памяти. А переспрашивать, Леонид постеснялся, чтобы тот не подумал, что он какой-нибудь тупарик.

Саша проманипулировал кнопками и котёл остановился, а потом сам запустился в автоматическом режиме.

Всё это он проделал так быстро, что Леонид опять ничего не запомнил. На тут он уже не постеснялся и попросил Сашу:

— А ну-ка ещё раз повтори то же самое. Но помедленнее.

Тот мило улыбнулся и повторил все операции заново с детальными объяснениями. Его советы и разъяснения Леонид сразу же записывал в приготовленный блокнот.

Вот тут Леониду уже всё стало более-менее понятно, и он попросил Сашу:

— Давай-ка я сам всё это сделаю.

Под руководством Саши Леонид уже сам нажимал на кнопки. Всё получилось и котёл запустился на автомате.

Рядом с котлом стоял, выкрашенный серебром массивный агрегат.

Саша кивнул на него головой:

— А это наш самовар.

Леонид с непониманием посмотрел на него.

Видя, что этот термин Леонида не впечатлил, Саша поправил сам себя:

— Испаритель это, — и добавил: — Это будет твой головняк! Его нужно очень осторожно запускать и останавливать.

Леониду казалось, что он вчера усвоил уроки сменщика, поэтому не стал заострять на испарителе внимание:

— Понял, понял. Опреснитель. Всё ясно.

Хотя на судах, где он до этого проходил практику, они все находились не в рабочем состоянии. Воды, набираемой в портах в мытьевые и питьевые танки хватало из-за коротких рейсов. Леонид лелеял надежду, что и здесь опреснителем не будут пользоваться, ведь переходы между портами составляли не больше четырёх суток.

Ну, а дальше Саша начал объяснять Леониду системы трубопроводов. Пресной и забортной воды, топливной и масляной...

Они зашли в небольшое помещение, в котором оказалось намного тише, чем в основном машинном отделении и Саша со смехом пояснил:

— А так как ты у нас начальник г... на, воды и пара, то вот тебе этот гов... ый насос. Это фекальная цистерна, — похлопал он по небольшому танку, выкрашенному в белый цвет, — и вот тут ты уже сам всё должен разведать, — развёл он руками, — Потому что я тут ничего не знаю и в такие дела лезть не буду. Потому что запах этот не переносу, — при этом он даже брезгливо поморщился.

В помещении и в самом деле стоял какой-то удушающий «аромат».

В общем, до вечера Леонид не выходил из машинного отделения, зарисовывая и записывая в блокнот всё увиденное.

Вахтенные мотористы менялись, а он ходил, осматривал механизмы, залезая в дебри трубопроводов, периодически донимая мотористов вопросами.

Когда он поднялся на обед, то ему очень не хотелось переодеваться, поэтому попросил буфетчицу:

— Зина, можешь ты мне накрыть тут, в столовой команды? — и, показав на свою робу, пояснил: — Переодеваться мне неохота.

Во время практик Леонид видел, как механики обедали и ужинали, не переодеваясь в столовой команды.

Зинка с иронией посмотрела на Леонида:

— Что, не хочешь попадаться деду на глаза?

На её слова Леонид пожал плечами, но она, улыбаясь, продолжила:

— А всё равно придётся. Никуда ты от этого не денешься.

Но постелила газетку на стул в столовой команды:

— Садись сюда, — и, указав Леониду на место, где бы он мог сесть, принесла тарелку, вилку с ложкой и поставила предо ним керамическую супницу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.